

Топонимия как материал для реконструкции нарицательной лексики говора

Многие географические названия созданы на базе нарицательных имен, поэтому в топонимии сохраняются территориально ограниченные слова, которые исчезли или находятся на пути исчезновения из нарицательной лексики говора. В топонимии употребляется значительное количество слов, которые не зафиксированы ни в словарях, ни в памятниках письменности. Не исключено, что некоторые из них выступали в роли русских географических или полеводческих терминов. В этом случае топонимия может быть источником лексических реконструкций. Субстратные географические названия для реконструкции географической терминологии широко используются А. К. Матвеевым, О. А. Теуш, И. И. Муллонен. При этом справедливо утверждается, что реконструкцией является любая интерпретация субстратного названия как восходящего к географическому термину [Теуш, 2005, 69]. Имеются примеры восстановления полеводческой лексики на базе наименований русского происхождения [Смирнова, 2001]. В качестве источника для реконструкции лексики говора в данной работе используются названия сельскохозяйственных угодий Пудожского района Карелии, извлеченные из документов Национального архива 1930–1950-х гг.

Следует отметить, что подобные реконструкции не являются надежными и обладают большей или меньшей степенью вероятности. Таковым признается восстановление лексики, существовавшей ранее, но впоследствии утраченной [Теуш, 2005, 70]. Так, названия *Сябраница*, *Под Сябраницей* (д. Заломаева Гора, Отовозерский с/с) можно сопоставить с *сябра* (зап.) ‘сосед, товарищ, артельщик, пайщик, соучастник; знакомый, приятель’, *сябреныя земли* ‘общего, мелкопоместного владения; купленные крестьянами сообща’ (стар.), *сябровщина* (кур.) ‘община одного селения, мир’ [Даль, 4, 383]. В пудожских говорах могло употребляться нарицательное **сябра*, *сябраница* ‘общая или общинная земля’. Названия *Кропивце Власевых Поляна*, *На Кропивце Малых Поляна*, *Мистежных Кропивец* (Коловский с/с), отражающие исконное *о*, могут восходить к нарицательному **кропивец* ‘место, где растет крапива’.

Некоторые географические названия не имеют соответствующего апеллятива в говорах данной территории (или он не зафиксирован словарями), но бытуют в говорах смежных областей. В этом случае топонимы могут стать основой ареальных реконструкций. Так, названия *Глипаши Агеевых*, *Глипаши Алексахиных*, *Глипаши Терехиных* (д. Остров-Заречье, Кривецкий с/с) можно сопоставить со словом *глибáш* ‘твердый (засохший, мерзлый) ком земли, грязи и т. п.’, зафиксированным в вологодских говорах; в данном случае произошла мена *б* на *п* [СГРС, 3, 35]. Слово отсутствует в СРГК. Ср. также *Фроловых посадник* (Коловский с/с) и терск. *посáдник* ‘приусадебный участок’ [СРГК, 5, 88]; *Горелец с прихода* и сев.-двин., во-

лог. *горелец* 'горелое место в лесу, горелый лес' [СРНГ, 7, 32]. Эти микротопонимы свидетельствуют о более широком распространении апеллятивов в прошлом.

Отдельные названия позволяют реконструировать не только ареал бытования диалектного слова, но и уточнить его семантику. Названия пахотных угодий *Голубева Дровник, Ереминский Дровник, Марковский Дровник, Большой Дровник, Климовский Дровник, Оленева Дровник* зафиксированы в микротопонимии Семёновского с/с Пудожского района. Слово *дрóвник* отмечено только в значении 'крытое место для хранения дров, дровяник' в подпорожских, тихвинских, устюженских, вашкинских говорах [СРГК, 1, 507]. Однокоренное *дровяник* известно в значении 'участок нестроевого леса, вырубленного на дрова' в архангельских, псковских, тверских, московских, калужских, костромских, пермских, среднеуральских говорах [СРНГ, 8, 194]. Микротопонимы позволяют предположить, что слово *дровник* могло употребляться в значении 'место заготовки дров'. С точки зрения семантических преобразований интересно название *Бечевник* (Пудожский с/с). Его можно сопоставить со словами *бечевник* 'ровный без изгибов берег' в сибирских говорах [СРНГ, 2, 285] и *бечёвничек* 'ровный, некрутой берег' в вытегорских [СРГК, 1, 71]. Появление агронима может быть связано и с измерением длины участка, ср. *бечева* 'прочная крученая толстая веревка; канат' и *веревка* 'старинная мера длины, площади'.

Таким образом, топонимические материалы могут способствовать установлению распространения нарицательного слова в говорах в прошлом, помочь восстановить его прежнее значение, а также с разной степенью вероятности реконструировать некоторые лексемы, не зафиксированные ни в говорах, ни в памятниках письменности.

Смирнова О. С. Топонимия как ниша для функционирования географических терминов и источник их реконструкции // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Мат-лы всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Ярославль, 2001. С. 140–147.

Теуш О. А. К проблеме реконструкции географической терминологии по данным субстратной топонимии Русского Севера // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 69–71.

Д. В. Пьянкова
Екатеринбург

Дисконимы и мелонимы в сфере направления «тяжелый металл» (ономаσιологический аспект)

Нас интересует область музыкальных названий направления «тяжелый металл», а именно названия музыкальных альбомов и композиций (в дальнейшем дисконимы и мелонимы, последний термин предложен А. А. Фоминым). Дисконимы